

«Я знал некогда богатых ученых, аббатов, управляющих, врачей[43] и людей вовсе без образования, которые даром потратили свои деньги и время на поиски подобного рода. И тем не менее их пример не обескуражил меня. Я трудился, не ведая усталости, я путешествовал из страны в страну, спрашивая самого себя: "Если эта вещь существует, то какова она, а если ее нет, то по какой причине?"[44]»

Зная, сколь большую роль играли, еще задолго до начала книгопечатания, алхимические трактаты (зачастую носившие пышные и поэтичные названия[45]), можно было бы, пожалуй, удивиться, натолкнувшись на сообщение о том, что неграмотные посвящали себя поискам путей реализации Великого Делания. И тем не менее такое было вполне возможно: существовали неграмотные, обладавшие великолепной зрительной памятью, позволявшей им запоминать в мельчайших деталях все операции, последовательно реализуемые в процессе Великого Делания. В XVII веке (здесь мы далеко выходим за хронологические рамки нашего исследования, но случай сам по себе очень показателен), в годы правления Людовика XIII, некий Винаш имел бесстыдство хвалиться, что знает в мельчайших деталях, хотя при этом не умеет ни читать, ни писать, все действия, которые должны совершаться, дабы успешно выполнить лабораторные операции. Кардинал Ришелье, узнав об этом, велел схватить наглеца, которого, посадив в Бастилию, подвергли пыткам в надежде принудить его открыть секрет трансмутации, прежде чем дать ему смертельную дозу яда.

Альберт Великий отмечал, опираясь на собственный опыт, что в высшей мере полезно совершать путешествия как начинающим алхимикам, так и признанным делателям. И действительно, эти поездки играли решающую роль в карьере большинства алхимиков в Средние века.

На первый взгляд частота путешествий, предпринимавшихся в Средние века людьми, не располагавшими столь быстрыми средствами передвижения, как в наши дни, воистину поразительна. Тем более что количество путешественников, имевших собственных коней или арендовавших их на время пути, было ничтожно мало по сравнению с массой передвижавшихся по дорогам на своих двоих! Но прав будет тот, кто скажет, что зато средневековый путешественник (передвигался ли он на коне, пешком или на корабле) был свободен от необходимости заранее побеспокоиться о получении паспорта, визы или хотя бы простого удостоверения личности. Более того, путешественник в те времена не сталкивался с серьезными финансовыми затруднениями, даже если его собственные ресурсы были незначительны: на всем протяжении своего пути он находил (если был не в состоянии покрыть расходы на постоялый двор и не встречал тут и там возможность переночевать в крытом гумне) стол и кров в приютах и гостиницах, содержавшихся различными монашескими орденами, особенно вдоль маршрутов, по которым двигались паломники. Нищенство в те времена вовсе не представляло собой серьезный проступок в глазах общественной морали[46], и многие бедные паломники, направляясь в Сантьяго-де-Ком-постела или в иное почитаемое место, не пренебрегали возможностью - и это никогда не считалось бесчестием для них - прибегнуть в случае необходимости к людскому милосердию, дабы пополнить свою кошелек.

Далее мы еще увидим, как Николая Фламель - и он конечно же не был первым из тех, кто отправился в столь дальнее путешествие, - повстречал в Испании учителя, которого столько лет тщетно искал в Париже.

Чему же учил своего ученика учитель, которым мог быть (иначе это был самозванец-шарлатан) в принципе только адепт, сам уже преуспевший в свершении Великого Делания? Совершенно оставляя в стороне сферу - хотя, как мы уже видели, и очень важную - молельни (предназначенной для занятий духовными упражнениями), отметим, что только вмешательство учителя позволяло алхимику избежать печальной участи провести, действуя методом проб и ошибок, юность, зрелость, а иногда и всю жизнь в тщетных поисках ключа к алхимическим секретам. Существовали две вещи, о которых в трактатах говорилось преднамеренно завуалировано, темным, не поддающимся